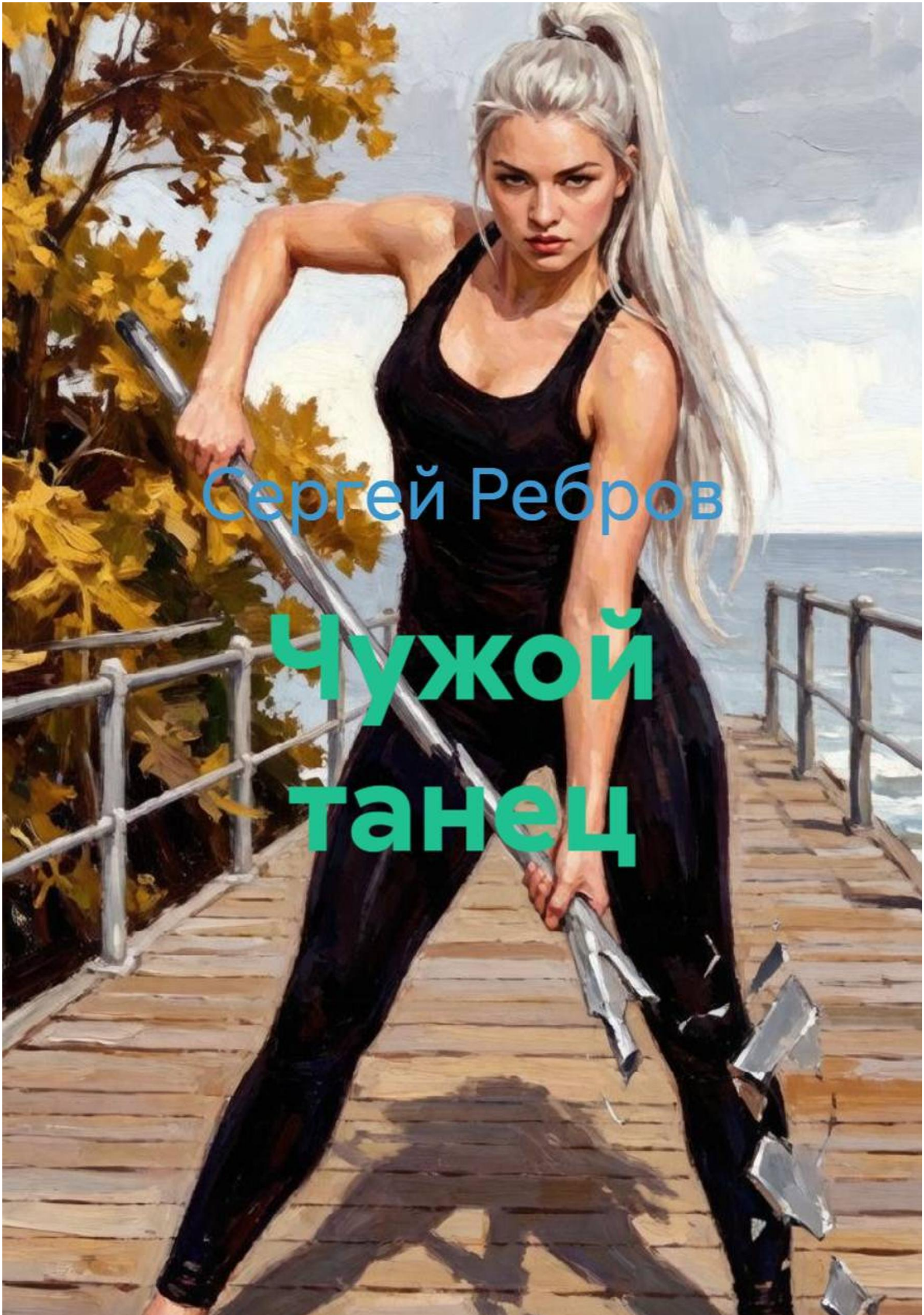

Сергей Ребров

Чужой танец

Сергей Ребров

Чужой танец

«Автор»
2026

Ребров С.

Чужой танец / С. Ребров — «Автор», 2026

Следователь Ярополк, заглянув в стриптиз-клуб, замечает неестественность в танце высокой блондинки Даши — и не ошибается: девушка вынуждена работать, чтобы отработать долг сестры Кристины, оказавшейся за решёткой из-за подставы. Обещая помочь, Ярополк погружается в тёмный мир закулисных интриг и обнаруживает целую цепочку схожих историй. Расследуя дело, он сближается с Дашей — её доверие и зарождающаяся любовь становятся для него опорой. Это история на стыке детектива и триллера: напряжённое расследование, где каждый шаг грозит опасностью, и нежная линия чувств — Даша первой влюбляется в Ярополка, а он учится отвечать на это чувство, не теряя профессиональной хватки.

© Ребров С., 2026
© Автор, 2026

Сергей Ребров
Чужой танец

Глава 1

Знакомство

Поздняя осень в Новорайске наступала не по календарю, а по запаху. В конце октября порт дышал уже не солью и смолой, а холодным железом и тиной, а ветер, дувший с залива, пах как будто вымытой посудой — чистотой, пустотой и безнадежностью.

Вечер этого дня выдался странным: весь день небо висело низко, серое, набухшее, как грязная вата, а к сумеркам вдруг разошлось, и над городом повисла долгая предгрозовая тишина. Собирался дождь, но не начинался. Тяжёлый, напоённый влагой воздух выдавал близость причала. Город был насквозь портовым — это читалось на уличных табличках, отдавалось железом в глотке от глотка воды и виделось в силуэтах барж, которые застыли на волнах, подобно уснувшим на мелководье огромным уставшим животным. По бульвару Строителей тянулись ряды фонарей — старых, в чугунных кружевах, ещё довоенных, — и свет их был тёплым, жёлтым, каким не бывает свет в новых районах. Под фонарями дрожали тополя; половина листьев уже облетела, и они лежали на асфальте мокрой бронзой, прибитые первыми заморозками.

Ярополк Тимофеев шёл пешком. Он всегда ходил пешком, если позволяло время. Вялое течение времени убаюкивало, грозя превратить работу в рутину, но сыщик не имел права на лень — это разрушило бы саму его суть. Свои «метр шестьдесят три» он мерил не сантиметрами, а абсолютной данностью, въевшейся в память с детства наряду с таблицей умножения. Никакой трагедии, просто факт. Ведь к тридцати пяти годам невысокий мужчина либо окончательно задыхается в тисках собственных обид, либо становится от них абсолютно, звеняще свободен. Ярополк уже сто лет как выбрал второй путь. Небольшой рост приучил к двум вещам: исключить спешку и привыкнуть смотреть на людей снизу. При таком обзоре, между прочим, открывается удивительный вид на вещи, скрытые от чужого высокомерия. Чего стоит одна лишь дрожь в коленях того, кто пытается тебе соврать. Тимофеев был худощав, с узкими запястьями и лицом, которое барышни из отдела называли «вкусно-усталым»: серые глаза с тяжёлыми веками, высокие скулы, короткая стрижка, уже тронутая сединой на висках. Седина появилась рано, лет в двадцать восемь, и мужчина её не закрашивал. Пальто на нём было старое, английского покроя, еще отцовских времён, со шлицей и потёртыми пуговицами; под пальто тёмный свитер. Часы на руке отцовские «Полет», механические, отставали на семь минут; он не поправлял их уже много лет. В кармане пальто зазвонил телефон. Потом ещё раз. Потом — третий, короткий, злой.

— Ярополк, это Гусев, — голос майора звучал странно: ровно и оттого сразу подозрительно.

— Ты где?

— Бульвар Строителей, иду к мосту.

— Стой, где стоишь. Разворачивайся и езжай в порт. Северный мол.

Ярополк остановился под фонарем. Мотылёк бился о стекло прямо над его головой — тук, тук, тук, — безнадежно и упрямо.

— Что там?

— Труп. Девушка, — пауза, короткая, но Тимофеев её услышал. — Утонула. Только не спеши писать в протоколе «утонула».

— Почему?

— Потому что она в туфлях на шпильке, Ярополк. В шпильках по молу не гуляют. И в мокрой ткани утопленников не так много, как в нашей работе живых свидетелей, — Гусев выдохнул. — Подъезжай. И ещё одно…

— Слушаю.

— Там её опознали. Подруга приехала, рыдает. Короче: девушка работала танцовщицей. В «Атлантиде».

Ярополк помолчал. Мотылёк всё бился о стекло.

— В «Атлантиде», — повторил он. — Роман Палыч, а почему вы говорите мне это по телефону, а не после осмотра?

— Потому что я хочу, чтобы ты поехал туда не с ордером, а с билетом. Понимаешь? Просто посмотреть на обстановку. Как клиент.

— Атмосферу, — без выражения сказал Ярополк.

— Именно. И чтобы ты, съездив туда, посмотрел на атмосферу, потом, может быть, когда-нибудь что-нибудь вспомнил. Вспомнил лицо. Слышишь меня, Тимофеев?

— Слышу, — сказал Ярополк. — Странный ты сегодня, шеф.

— Странный, — согласился Гусев и повесил трубку.

Ярополк ещё немного постоял под фонарём. Ветер шевелил мокрую бронзу листьев, где-то за рекой глухо, на самых низах, прогудел теплоход. Небо на юге начало затягиваться тучами, к ночи обещали ливень. «Вспомни лицо» — так никто не говорит. Так говорят, когда лицо, которое нужно вспомнить, вот-вот исчезнет.

Клуб «Атлантида» застыл на самом отшибе, на изломе двух эпох. Позади него доживала свой век старая рыбацкая слобода с горбатыми заборами, а впереди, через пустырь, уже наступал глянцевый Новорайск-Сити — стеклянные кубы, подземные парковки, стройка века. Само здание словно застряло вне времени: серый бетон, синеватые витражи и неоновая русалка на фасаде, обвивающая хвостом название. Один глаз у мифической девы давно погас, отчего её взгляд казался незрячим, устремленным куда-то сквозь город. В этот момент всё-таки зарядил дождь — мелкий, колючий, больше похожий на мокрую едкую пыль. Ярополк расплатился с таксистом, вышел, постоял под козырьком, приводя себя в порядок с той особой небрежностью, которой учатся сыщики: пальто на одно движение свободнее, галстука нет, воротник расстегнут. Часы в левый карман, циферблатом вниз. У входа, под синим светом, стоял Серёга — двухметровый охранник с шеей, на которой в воротник уходила татуировка в виде чайки. Он посмотрел на Ярополка сверху вниз — взгляд привычный, скользящий, оценивающий бумажник.

— Триста за вход, — сказал охранник. — В гардероб не считается.

Ярополк достал купюры, и на секунду — на одну-единственную секунду — их пальцы соприкоснулись при передаче денег. Серёга вдруг посмотрел на него по-другому. Не как на клиента.

— Я тебя раньше не видел, — сказал он. Не спросил, а сказал.

— И не увидишь, — так же ровно ответил Ярополк. — Я здесь впервые и, скорее всего, в последний раз.

Серёга усмехнулся краешком рта, коротко, одними губами, и отошёл в сторону.

— Тогда послушай бесплатный совет от швейцара, — он понизил голос. — Не пей местный виски. И не смотри девчонкам в глаза дольше трёх секунд. Некоторым это не нравится. Некоторым от этого больно.

— А некоторым нравится? — Ярополк толкнул тяжелую дверь.

Внутри «Атлантиды» мир заканчивался и начинался заново. Сначала температура: из осенней промозглости в тёплую, плотную, пропитанную духами и дымом ванну. Потом звук: бас не играл, бас жил в стенах, в полу, в грудной клетке, и сердце невольно подстраивалось

под него. Свет: всё в клубе было синим и золотым, и между этими двумя цветами не было середины, как не бывает середины между обещанием и правдой. Зал был большим и низким, потолок давил, в клубах дыма, свисали кольца, а в кольцах, медленно вращаясь, как планеты, танцевали девушки. Полупрозрачные ткани на них двигались с опозданием на полтакта, и от этого казалось, что девушки состоят из тела и призрака, и призрак отстаёт. Официантка — худенькая, в коротком чёрном платье, с брошью-якорем на лацкане — поставила перед Ярополком стакан, который он не заказывал.

— От заведения, — сказала она, наклонившись, чтобы услышал. — Первое — бесплатно. Дальше — по прайсу. И дальше лучше по прайсу, поверь.

— Почему это «поверь»? — Потому что те, кто заказывает дальше бесплатно, — она улыбнулась уголком рта, профессионально и немного печально, — обычно уходят через чёрный ход и не оставляют чаевых.

Ярополк отодвинул стакан на два сантиметра — ровно, аккуратно, как отодвигают улику.

— Я, пожалуй, посмотрю программу.

— Смотри, кто тебе мешает, — официантка уже отступала, и её голос растворился в басе: — Все смотрят. Поэтому здесь так темно, что стыдно смотреть.

Свет выхватил из темноты сцену — низкий подиум, три стальных шеста, поднимающихся к потолку, как мачты затонувшего корабля. И тут началось шоу. Ярополк смотрел так, как умел смотреть только он. Не так, как мужчины в зале, — широко раскрыв глаза, жадно, с хриплым дыханием и стеклянным взглядом. Он смотрел, как на допросе. По лицам. По рукам. По тому, куда смотрит девочка, когда на неё смотрят все: на зрителей — значит, работает с залом; на зеркало за сценой — значит, работает с собой; мимо всего — значит, где-то в пространстве есть точка, в которой она сейчас на самом деле, и до этой точки никакими деньгами не дотянутся.

Первая девушка на шесте была огонь — рыжая, смешливая, она кривлялась, дразнила, посылала воздушные поцелуи в первый ряд, и зал ревел. Работает с залом, отметил Ярополк. Любит. Или очень давно и хорошо научилась любить на публику — это тоже профессия, и почётная.

Вторая была технична и холодна, как швейцарские часы, — но часы хотя бы тикали.

А потом в левом крыле, в синем свете, появилась она.

Не вышла — она появилась. Так это выглядело со стороны: секунды не было, а она была; не было — и вот она. Высокая. Очень высокая — метр восемьдесят, не меньше, и сложена так, что рост этот не спорил с её женственностью, а служил ей, как мачта служит парусу. Стройная — до той степени стройности, которая уже не мода и не спорт, а дисциплина, год за годом, ужин за ужином, подъем за подъемом. Блондинка, но не платиновая кукла с витрины, а настоящая, с прохладным золотистым оттенком, собранным на затылке в небрежный узел, из которого выбилась и спустилась на шею одна прядь. Кожа светлая, с холодным отливом, как первый лёд на октябрьской луже. Лицо из тех, что приковывают взгляд: высокие скулы, прямой маленький нос, тяжёлые для такого молодого лица губы, на которых даже улыбка сидела, как чужой головной убор.

И она танцевала. Безупречно. Каждое движение было выверено до миллиметра: заход, разбег, взлёт. Девушка шла по шесту вверх, как по воздуху, зависала в горизонтальном шпагате, и зал внизу ахал, кто-то свистел, в воздух летели купюры, а она, держась одной рукой, ловила свет лопаткой, спиной, изгибом шеи — всё правильно, всё точно, всё в такт.

Идеально. Именно эта идеальность заставила Ярополка отойти от стойки и сделать шаг навстречу. Потому что люди не бывают идеальными. Люди ошибаются, сбиваются с ритма, промахиваются на полтакта, спасают движение, когда оно срывается, — и в этих спасенных, сорванных, живых движениях и есть вся правда о человеке. Здесь же не было ничего. Ни единой ошибки. Ни единого спасения. Ни единого живого места.

Так танцуют не тела, подумал он. Так танцуют видеозаписи.

Тимофеев смотрел на лицо — и, на повороте, в долю секунды, когда золотой луч пробежал по её скулам и глазам, следователь увидел то, за чем приехал. Взгляд. Взгляд был не здесь. Не в зале, не в музыке, не в купюрах, летящих ей под ноги. Он был где-то далеко — за стеной, за городом, за водой, — в той точке пространства, до которой ничто не может дотянуться. Взгляд человека, который давно и успешно отсутствует в собственной жизни и присутствует только в чужой — по расписанию, за деньги, без права на ошибку.

«Люди так не смотрят, — подумал Ярополк. — Так смотрят, когда разучились просить о помощи, но так и не разучились в ней нуждаться».

Девушка спустилась с шеста, как падает снег — беззвучно и окончательно, — поклонилась в полумраке и ушла в левое крыло. И зал, ахавший весь её номер, тут же забыл о ней, как забывают станцию, на которой поезд не остановился.

Но остановился Ярополк. Он поймал взглядом официантку с брошью-якорем и поднял палец.

— Скажите… — наклонился к ней, — вон та. Блондинка. Она сегодня ещё выступает?

— В «Атлантиде» все выступают, пока не рухнут, — сказала официантка. Но по тому, как девушка проследила за его пальцем и как изменилось лицо, Ярополк понял: вопрос был не таким, как обычно.

— Мне нужен приватный танец. С ней.

— С Дашей? — официантка поморщилась, словно обиделась за кого-то. — Тысяча пятьсот, час. Предоплата.

— Годится.

Официантка ещё раз взглянула на него — сверху вниз, оценивая: клиент как клиент, но стакан отодвинул, взгляд слишком спокойный, а пальто слишком хорошее для этого зала.

— Только, мужик, один совет от человека, который здесь работает третий год, — она понизила голос почти до шёпота. — Даша — она как из холодильника. Не обижайся. Кого-то это заводит, кого-то злит. Но не вздумай её раскачивать. У нас за раскачивание…

— Кто-то уходит через чёрный ход, — сказал Ярополк. — Без чаевых. Я запомнил.

Он положил на поднос купюры, больше, чем следовало. Официантка взглянула на них, потом на него.

— Это не чаевые, — сказал Ярополк. — Это задаток за честность. Если она захочет уйти раньше времени — не удерживай. И не доноси.

Дверь приватного коридора поглотила вместе с синим светом, басом и запахом духов, и в последнюю секунду, перед тем как закрыться, Ярополк успел увидеть в дальнем проёме спину Даши — высокую, прямую, уходящую по коридору, как уходят по трапу на корабль, с которого уже не возвращаются прежним человеком.

Коридор, ведущий из зала вглубь клуба, был длинным, узким и обшитым чем-то тёмным, бархатистым — так обшивают стены в старых фотоателье и кабинетах, где не хотят, чтобы звук выходил наружу. Дешёвый ковролин заглушал шаги. Синий свет остался позади, и каждая новая лампа на стене была тусклее предыдущей, как будто клуб чем дальше, тем больше экономил на правде.

Ярополк шел за ней метрах в пяти, не ближе. Он не хотел подходить ближе. Пока Даша шла впереди, следователь мог смотреть на неё так, как смотрят на картину: с безопасного расстояния, не чувствуя себя обязанным. Высокая прямая спина; узел на затылке слегка покачивался в такт шагам; выбившаяся прядь лежала на шее. Девушка шла так, как идут люди, для которых путь давно проложен, — не выбирая, не примериваясь, не оборачиваясь.

У третьей двери остановилась. Достала из маленькой ниши в стене ключ, он был на тесёмке, розовой, почти детской. И эта детская тесёмка среди чёрного бархата вдруг резанула Ярополку по глазам сильнее, чем весь неоновый зал.

— Триста двенадцать, — сказала Даша не оборачиваясь. Голос оказался низким, с хрипотцой, как у человека, который курит. Или много молчит.

Дверь открылась, и следом вошел Ярополк.

Комната была теснее, чем Тимофеев себе представлял, — и от этого честнее. Каюта, а не комната: два на четыре метра, ничего лишнего, и в то же время всё, что положено. Вдоль стены: диван, широкий, но продавленный: вмятина от сидящих на нем тел была глубокой, отполированной временем, как желоб, по которому веками текла вода. Напротив дивана — зеркальная стена в пол; зеркало было старое, с амальгамными пятнами по углам, и отражало комнату чуть тусклее, чем она была на самом деле, — как будто и у отражения не хватало сил. У дальней стены шест. Просто стальной шест от пола до потолка на потёртой, вбитой в бетон подставке. Бра над диваном горело красноватым тусклым светом — таким, при котором все лица кажутся старше на десять лет и мягче на десять лет. Пахло духами, дешёвым алкоголем, нагретым пластиком и, глубоко под всем этим, пылью. Пылью и одиночеством.

— Садись, — сказала Даша, кивнув на диван. — Тапочки можешь не снимать.

Ярополк сел. Диван принял его, как старый хозяин: привычно, с той же вмятиной. Тимофеев оказался прав: вмятина была сделана нарочно — слишком глубокая для него, слишком глубокая для любого, кто приходит сюда впервые. Сюда приходили всегда.

Даша подняла с пола пульт и щёлкнула, откуда-то из глубины, из динамика, зашумел тихий, приглушенный ритм; музыка здесь была похожа на музыку в наушниках, снятых с чужой головы. Потом повернулась к зеркалу, спиной к мужчине, и сделала то, что, видно, делала тысячи раз: подняла руки к волосам, откинула прядь с лица, посмотрела на своё отражение сверху вниз, коротко, оценивающе, как столяр смотрит на заготовку.

— Час, — сказала она своему отражению. — Сорок минут — если постараешься. Ты понял.

Это было сказано не Ярополку. Это было сказано самой себе. Мужчина вдруг понял, что она репетирует. Не танец, нет, танец она выучила давно, репетирует оцепенение. Снимает себя с предохранителя, чтобы меньше чувствовать, чтобы час прошёл легче.

И начала танцевать.

Первые тридцать секунд Ярополк смотрел, как смотрят все. Просто потому, что нельзя не смотреть. Дарья двигалась так, как движется вода, если ей показать, как это делается, — без усилий, без рывков, без единой лишней мышцы. Руки над головой, поворот корпуса, шаг — и вот уже у шеста, ладонь обхватывает сталь, нога отрывается от пола и взлетает вверх по вертикали, как будто вертикаль её родная стихия. Зависает там, под потолком, в изгибе, от которого перехватывает дыхание даже у того, кто смотрит на это холодно, профессионально, по долгу службы.

Красиво. Безупречно. И мёртво. Тимофеев замечал это и раньше, но теперь, вблизи, стало окончательно ясно. Блондинка не импровизировала — она воспроизводила. Каждое движение было снято с полки, как банка с консервами: тот же наклон головы, тот же поворот бедра, та же линия руки, под тем же углом, с той же продолжительностью паузы. Где-то в прошлом у неё был удачный вечер — может быть, самый первый, а может, и единственный, — и с тех пор каждые сорок минут фотографически его повторяла. Успешный дубль стал навсегда.

А глаза…

Глаза работали отдельно от тела. Тело отдавало всё — точность, линии, обещания. А глаза уходили мимо. Даша смотрела поверх него, сквозь него, сквозь зеркало, в которое иногда поворачивалась лицом, и в зеркале эти глаза были самыми страшными: человек танцевал, а за зеркалом стоял где-то в другом городе и ждал, когда это кончится.

Музыка продолжалась, низкий, тягучий переход. Блондинка прошла мимо дивана, совсем близко, на расстоянии вытянутой руки, — и в красном свете Ярополк впервые разглядел, что под слоем косметики у нее молодое лицо. Не просто молодое — совсем юное. Макси-

мум двадцать три года. И на этом юном лице лежала усталость восьмидесятилетней женщины, и рядом с ней, с этой усталостью, красный свет бра делал её похожей на икону, которую кто-то очень неумело пытался перекрасить.

Сделала следующий заход на шест, тот самый, красивый, полёт вверх, зависание. И в этот момент, на самой высоте, её рука — единственный раз за весь вечер дрогнула. Доля секунды. Микроскопическая, недопустимая, единственная человеческая ошибка за сорок секунд совершенства. Никто в зале — там, за стеной, — не заметил бы и под лупой. Но здесь она была на расстоянии двух метров, и Ярополк смотрел не на танец, а на неё.

Он все понял.

— Стоп, — сказал Тимофеев. — Дальше не надо.

Играла музыка. Горел свет. Девушка продолжала двигаться ещё секунду по инерции, по многолетнему автоматизму, а потом опустилась на пол. Плавно, профессионально, не по-человечески легко. Выпрямилась. Посмотрела на него сверху вниз — все метр восемьдесят против его метра шестидесяти трех, — и в её глазах впервые за вечер появилось что-то живое.

Удивление.

— Почему? — спросила она.

Не «что случилось», не «не нравится?», не «проблемы?». Просто почему. Голос ровный, но Ярополк услышал в нём тонкую, едва различимую нотку — как будто человек очень долго стоял в очереди, а очередь вдруг растворилась.

— Видно, — сказал Ярополк, — что тебе это не нравится.

Секунду она молчала. Потом, следователь отчётливо видел это в красном свете крупным планом, с её лица начала сползать маска. Не как у актера, который снимает грим, быстро, деловито. Как оттаивает. Снизу вверх, медленно, с сопротивлением: сначала губы — улыбка сползла с них, как чужая; потом щеки — их перестало держать; потом лоб — и между бровями легла тонкая, глубокая, многострадальная морщинка, которой не было ни в зале, ни у шеста. Последними оттаяли глаза. И когда они оттаяли, Ярополк увидел по-настоящему — впервые за вечер.

Они были светлыми. Серо-зеленые, с темной каймой у радужки. И в них была такая потерянность, что Тимофееву стало неловко, как бывает неловко, когда видишь человека голым не по делу.

— Смущена, — сказал он. Не спросил.

— Я не смущаюсь, — сказала Дарья. Но сказала запоздало, чужим голосом, и руки, профессиональные, уверенные, вдруг сделали бессмысленное движение — поправили что-то, разгладили несуществующую складку.

— Понимаете… — она запнулась. На «ты» было легче, на «вы» — труднее. — Я не понимаю, что происходит. Никто никогда… — Она замолчала, подбирая слова, как слепой подбирает незнакомую мебель. — За два года никто ни разу не остановил меня на полуслове.

— Значит, два года вокруг тебя были невнимательные люди, — сказал Ярополк.

— Нет, — девушка едва заметно покачала головой. — Внимательные. Просто им было нужно другое.

Даша стояла посреди своей каюты — высокая, без доспехов, в красном свете — и не знала, что делать со своими руками. И тогда, когда Ярополк уже открыл рот, чтобы сказать что-то простое и человеческое, она вдруг сделала то, чего он не ожидал. Села к нему на колени. Не соблазняя. Не по сценарию. Просто села, тяжело, устало, по-человечески, как садится человек, у которого кончились силы. Уложила свои длинные ноги на диван, вытянула их вдоль сиденья, облокотилась на спинку, и вдруг оказалась вся, целиком, рядом, лицом к лицу, так близко, что Ярополк видел, как под косметикой бьётся жилка на виске.

Она была тяжелее, чем казалась, — не в смысле веса, а во всём остальном. И выше. Даже сидя, упав к нему на колени, Даша оставалась выше, и ей приходилось слегка наклонять голову,

чтобы смотреть ему в глаза. Делала это легко, без стеснения, как будто разница в росте была самым честным фактом за весь вечер.

— Кто ты такой? — спросила Дарья. Грустно. Совсем не так, как задают этот вопрос здесь.

— Следователь, — сказал Ярополк. — Ярополк Тимофеев. Отдел по тяжким преступлениям.

Она не вздрогнула. Только ресницы — один раз.

— Следователь, — повторила она, пробуя слово на вкус. — А в клубе зачем?

— Сегодня утром на северном молу нашли девушку. Утонула. Танцовщица. Мила Заславская, — мужчина сказал это ровно, без нажима, как кладут на стол фотографию. — Вы, наверное, знали?

Пауза затянулась. Замигал красный огонек — где-то наверху, в проводке, что-то щёлкнуло.

— Мила, — сказала она. Не спросила — сказала, как говорят имя, которое давно умерло. — Да. Мы знали. Она… — ресницы снова дрогнули, — Она была доброй. Слишком доброй для этой работы.

— В том-то и дело, — тихо сказал Ярополк. — Добрых здесь не то чтобы много, но и не мало.

Даша пристально посмотрела на него. И вдруг, Тимофеев почувствовал это физически, как изменение давления, прижалась к нему. Не интимно. Иначе. Просто прижалась боком, плечом, виском — всем, чем можно, — как прижимаются к стене, когда хочется, чтобы хоть что-то в мире оставалось неподвижным. От неё пахло духами, а под духами — усталостью.

— А вы? — тихо спросил Ярополк. — Что вы здесь делаете? И не надо… —слегка поднял руку, останавливая заготовленный ответ, — не надо мне отвечать «за красивую жизнь». По глазам видно, что вам здесь не нравится. Уже давно не нравится. Так почему вы здесь?

Даша долго молчала. Так долго, что красный огонёк успел мигнуть три раза. Потом заговорила, и голос уже не был низким, с хрипотцой; он стал тонким, молодым, настоящим, из глубины, откуда голоса не вынимают на продажу.

— У меня есть сестра. — Даша смотрела в зеркало, на своё отражение, в глаза, потому что смотреть в живые глаза было невыносимо. — Кристина. Ей двадцать один. Тоже здесь танцевала. Два года назад. Она была лучше меня — не так танцевала, а… вообще лучше. Она смеялась. По-настоящему. Здесь не смеются, а она умела. — Пауза. — Однажды ночью к ней пришли. Наркотики. При ней нашли пакет, я не знаю, я не видела, мне сказали. Суд был скорым, как поезд по перрону. Адвокат — чужой, нанятый, всё обещал и всё потерял. Шесть лет. Ей двадцать один, а у нее шесть лет.

Красный свет мигнул.

— Я, конечно, не поверила. Пошла к владельцу клуба, к Логинову, — Даша произнесла фамилию так, как произносят диагноз. — Он очень правильный. Очень расстроенный. Сказал: «Твоей сестре грозило десять, теперь шесть, клуб пошел навстречу. Но клуб понес убытки, Дарья. Нужно восстанавливать репутацию». И показал мне бумагу. Долг. Я подписала, — добавила блондинка, и это было самое страшное, что могла сказать. — Я сама подписала. Никто не заставлял. Ну… — горько усмехнулась, — не руками же.

— Сколько? — спросил Ярополк.

— Неважно, сколько. Важно, что каждая смена — это минус. Каждый сдвинутый столик — минус. Каждая улыбка — минус. Я здесь, — наконец перевела взгляд с зеркала на него, и в глазах было то же, что он видел из зала, издалека: дно, — я здесь ради неё. Я работаю за двоих. Она сидит, а я танцую. Вот и вся моя большая красивая жизнь.

Ярополк молчал. Долго — минуту, две, три; горел красный свет, музыка закончилась, и в тишине было слышно, как за стеной приглушенно гудит зал. он молчал, а она ждала, и уже

успела передумать, уже успела отругать себя за то, что выговорилась, уже была готова встать, надеть броню и закончить смену, как заканчивала её четыре тысячи раз.

А потом Ярополк сказал:

— Дальше здесь говорить опасно, тебя могут слушать. Нужно уехать.

Дарья посмотрела на него.

— Куда? — спросила она. — У меня дом… у меня дом — это халупа.

— Ко мне. У меня дома — книги, остывший кофе и чайник, который свистит не в такт. И тишина. У меня есть одна вещь, которой здесь нет.

— Какая?

— Стены, за которыми не подслушивают, — понизил голос, и Даша услышала в голосе не следовательские, а человеческие нотки, и это человеческое было одновременно усталым и раздражённым, — Здесь у стен уши. Кухня, бар, гардероб, коридор — уши. А завтра к твоей смене подойдет охранник и скажет: «Даша, со следователями не разговаривают». И всё. Понимаешь? Тебе просто перестанут давать смены. А сестре устроят «встречу» в СИЗО с такими условиями, что она сама попросит не приезжать.

Даша молчала. В зеркале отражались оба: маленький усталый мужчина и высокая, стройная и усталая девушка, сидящая у него на коленях, — и это отражение было неудобным, неправильным, невозможным и оттого — единственно честным за весь этот вечер.

— Ты это серьёзно? — спросила она. Тихо.

— Я никогда не бываю серьёзнее, чем сейчас, — сказал Ярополк. — Мне тридцать пять. Я редко бываю несерьёзным.

Блондинка смотрела на него ещё секунду. Две. Потом — он запомнил этот кивок на всю оставшуюся жизнь — молча кивнула. Один раз, коротко, без улыбки. Так кивают не «да, хорошо», а «да, теперь я с тобой». Такой кивок стоит дороже любого «люблю».

Ярополк осторожно поднял её с колен. Даша легко встала, одним движением, длинная, неуклюжая в своей длине, — и вышел в коридор.

Коридор встретил его тем же бархатом и тишиной. Снова нашёл взглядом официантку с брошью-якорем — она стояла у служебной стойки, листая что-то в телефоне, и в свете сервиса лицо казалось старше, чем в зале.

— Мне нужно, — сказал Ярополк, — продлить. На всю ночь.

Официантка подняла глаза. Медленно. Потом ещё раз посмотрела на него тем самым оценивающе снизу вверх, но в этом взгляде что-то изменилось.

— Всю ночь? — переспросила она. — С Дашей?

— С Дашей.

— Даша никогда не берёт ночные, — официантка отложила телефон. — За два года ни разу. Есть клиентка, которая платит за ночь, но она…

— Не интересно, — сказал Ярополк. — Считайте, что я плачу за три ночи. И ещё, — он наклонился ниже, и голос стал ровным и очень простым, — Я буду ждать Дашу у чёрного входа в двенадцать тридцать, на улице, у синей русалки. Передайте, пожалуйста. Не нужно, чтобы мы выходили вместе. Понимаете?

Официантка смотрела на него ещё три секунды. Потом медленно, почти незаметно кивнула

— Ясно, — сказала она. — Вместе нельзя.

В комнате, под красным светом, Даша стояла перед зеркалом.

Она уже переоделась — надела чёрное пальто, длинное, почти до щиколоток, то самое, в котором она ходила по городу, и в котором была просто высокой блондинкой, а не «шестьдесят минут». Волосы она распустила: светлые, только что из пучка, они падали на плечи, отяжелевшие, по-домашнему, и в отражении увидела девушку, которую не видела уже два года, — обычную, усталую, молодую.

Она поправила воротник. Посмотрела себе в глаза. И — впервые за два года — отражение не отвело взгляд.

«Дура, — сказала она себе. — Ты подписала бумагу. Ты села на колени к первому встречному. Ты поверила следователю. Люди не спасают. Люди берут час и уходят».

Но пальцы, пока разум ругался, уже сами, независимо, поправляли воротник и приглаживали прядь у виска — аккуратно, бережно, так поправляют перед свиданием, а не перед оскорблением судьбы.

Под дверью в коридор щелкнул замок. Это был не он. Это была жизнь — за стеной, по расписанию, шестистраничная, вечная.

Даша глубоко вдохнула. Потом ещё раз. Потом выключила красный свет — впервые раньше времени — и в темноте своей каюты, у зеркала, где уже не было видно отражения, сказала себе вслух, тихо, одними губами:

— Кристина. Постой. Кажется, я сегодня не в настроении танцевать.